

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ

Принцесса Марса Боги Марса Владыка Марса

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б 51

Illustrations © Thomas Yeates, 2016

Перевод с английского Татьяны Голубевой

Составитель Александр Лютиков

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

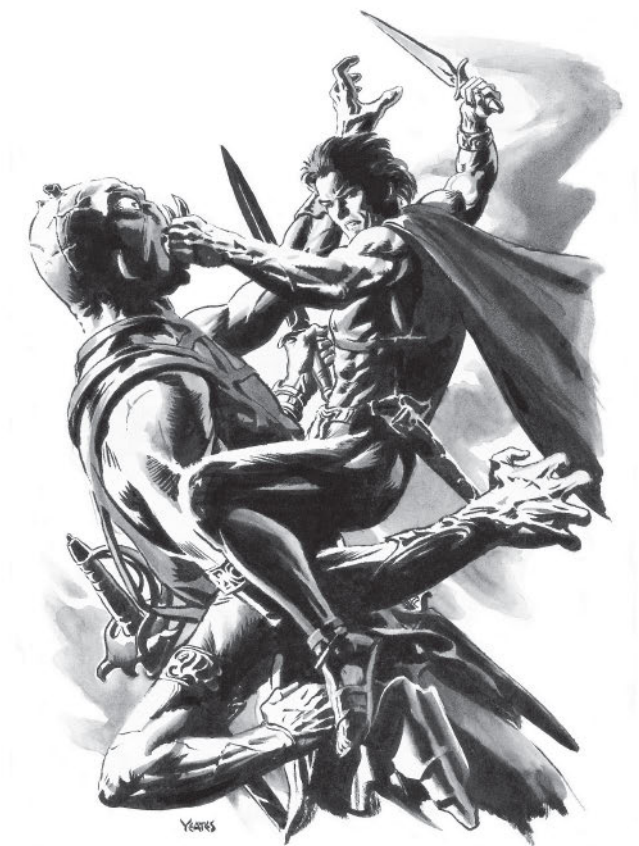
Иллюстрации Томаса Йейтса

ISBN 978-5-389-10675-8

© Т. Голубева, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Посвящается моему сыну Джеку

Принцесса Марса

ПРЕДИСЛОВИЕ

К читателям этой книги

Представляя вам публикацию странной рукописи капитана Картера, я хочу немного рассказать об этом примечательном человеке. Уверен, это будет интересно читателям.

Мое первое воспоминание о капитане Картере касается тех немногих месяцев, что он провел в доме моего отца в Виргинии, как раз перед началом Гражданской войны. Мне тогда было около пяти лет от роду, однако я хорошо помню этого высокого, смуглого, атлетически сложенного мужчину, которого я называл дядей Джеком.

Казалось, капитан постоянно улыбался; он принимал участие в подвижных детских играх с той же дружеской сердечностью, какую являл и в светских развлечениях дам и кавалеров его возраста; порой он мог битый час просидеть с моей старой бабушкой, потчует ее историями о своих странных, необыкновенных приключениях в разных частях света. Мы все любили капитана, а наши рабы — те прямо боготворили его.

Он представлял собой образец мужественности — при росте шесть футов и два дюйма Картер был широк в плечах, узок в бедрах и мог похвастать осанкой тренированного человека. Черты его лица отличались правильностью, он всегда был чисто выбрит и коротко стриг свои черные волосы. В его серых, стального оттенка, глазах отражалась сильная и прямая натура, полная огня и энергии. Его манеры были безупречны, а учтивость соответствовала представлениям о джентльмене-южанине высшего класса.

Его искусство верховой езды вызывало восторг и восхищение даже в этом краю великолепных наездников. Я частенько

слышал, как мой отец предостерегал дядю Джека насчет его рискованной и беспечной манеры держаться в седле, но тот лишь смеялся в ответ и говорил, что еще не родилась лошадь, способная его сбросить.

Как только разразилась война, он уехал, и я не видел его около пятнадцати лет. Когда же он вернулся, без предупреждения, я был весьма удивлен тем, что он совершенно не постарел и внешне никак не изменился. На людях он выглядел тем же искренним и счастливым человеком, которого мы знали прежде. Но я замечал, как он сидит часами в одиночестве, глядя в небеса, и на его лице появляется выражение страстной тоски и отчаяния; и вечером и ночью можно было застать его за этим странным занятием, но причины такого поведения я не знал, пока не прочел спустя годы его рукопись.

Он рассказывал нам, что некоторое время после войны занимался горным делом в Аризоне и был весьма успешен в разведке полезных ископаемых. Слова капитана подтверждались неограниченными средствами, имевшимися в его распоряжении. Что же касалось подробностей его жизни в те годы, он в них не вдавался, то есть вообще об этом не упоминал.

Картер пробыл у нас около года, а потом уехал в Нью-Йорк, где приобрел небольшое поместье на Гудзоне. Я раз в год навещал его, когда мне приходилось бывать в Нью-Йорке по торговым делам, — мы с отцом в то время владели и управляли сетью универсальных магазинов по всей Виргинии. У капитана Картера был небольшой, но очень красивый дом, стоявший над обрывом у реки, и во время

одного из моих последних визитов, зимой 1885 года, я отметил, что капитан много пишет; как я теперь предполагаю, он работал как раз над этой рукописью.

В тот раз Картер попросил меня позаботиться о поместье, если с ним что-нибудь случится, и отдал мне ключи от сейфа, стоявшего в кабинете. Он пояснил, что там находится его волеизъявление, а также некоторые инструкции, которым я должен буду следовать в точности, в чем он и заставил меня поклясться.

Перед тем как улечься в постель, я увидел в окно, что он стоит в лунном свете на краю крутого берега, спускавшегося к Гудзону, и протягивает руки к небесам, словно просит о чем-то. Тогда я подумал, что он молится, хотя никогда не замечал, чтобы капитан был религиозным человеком в строгом смысле этого слова.

Несколько месяцев спустя после моего возвращения домой, кажется, первого марта 1886 года, я получил телеграмму, в которой капитан просил меня немедленно приехать. Он хорошо относился ко всем молодым членам семьи Картер, но именно я был его любимцем. Надо ли удивляться, что я поспешил выполнить его просьбу.

Я прибыл на маленькую станцию, расположенную примерно в миле от его владений, утром четвертого марта 1886 года. В ответ на просьбу отвезти меня к капитану Картеру кучер сказал, что для друзей капитана у него плохие новости: он был найден мертвым сегодня на рассвете, обнаружил его сторож соседнего имения.

Почему-то это известие ничуть меня не удивило. Я постарался добраться до дома капитана как можно скорее, чтобы позаботиться о покойном и о его имуществе.

Сторожа вместе с главой местной полиции я нашел в маленьком кабинете Картера. С ними были несколько горожан. Очевидец сообщил мне то немногое, что касалось обнаружения тела, которое, по его словам, было еще теплым, когда он на него наткнулся. По описанию, капитан лежал на снегу, вытянувшись во весь рост и простирая руки над головой к краю обрыва. Когда сторож показал то место, мне сразу вспомнилось, что

именно там я видел моего покойного друга с воздетыми к небесам руками.

Никаких признаков насилия на теле не было, и после краткого расследования местный коронер пришел к выводу о смерти от сердечного приступа. Оставшись в кабинете один, я открыл сейф и извлек содержимое того ящика, в котором, как говорил мне капитан, находятся все инструкции. Они были немного странными, надо признать, но я последовал им со всей скрупулезностью и преданностью, на какие только был способен.

Капитан распорядился доставить его тело в Виргинию, не балъзамируя, и положить в открытый гроб в склепе, подготовленном им заранее и, как я узнал позже, оборудованном отличной вентиляцией. В инструкции особо подчеркивалось, что я должен лично присмотреть за исполнением последней воли умершего и держать происходящее в тайне, если потребуется.

Что касается его собственности, то я должен был получать полный доход с поместья в течение двадцати пяти лет, после чего оно переходило ко мне. Дальнейшие инструкции касались как раз этой рукописи: предписывалось одиннадцать лет хранить ее в запечатанном виде без прочтения; также запрещалось обнаруживать ее в течение двадцати одного года после его смерти.

Весьма странной особенностью склепа, где до сих пор лежит тело Картера, являлась массивная дверь, снабженная одной-единственной огромной золоченой пружинной задвижкой, которую можно было открыть только изнутри.

Искренне ваш,

Эдгар Райс Берроуз.

I

НА ХОЛМАХ АРИЗОНЫ

Я очень старый человек; сколько мне лет, я и сам не знаю. Возможно, сто, а может быть, и больше, точно сказать не могу, потому что не старею, как другие люди, а детство напрочь стерлось из памяти. Насколько помню, я всегда был мужчиной, мужчиной около тридцати лет. Сегодня я выгляжу точно так же, как сорок и более лет назад, и все же ощущаю, что не могу жить вечно; что однажды придет настоящая смерть, после которой нет воскрешения. Не знаю, с чего бы мне бояться конца, — ведь я уже дважды умирал и по-прежнему жив, — тем не менее я испытываю перед смертью тот же ужас, что и вы, ни разу не покидавшие этот свет, и, по-моему, именно этот страх убеждает меня в собственной смертности.

И из-за этой убежденности я твердо решил записать историю самых интересных периодов моей жизни и моего небытия. Я не способен объяснить сей феномен; могу лишь изложить словами обычного солдата удачу хронике тех странных событий, что произошли за десять лет, пока мое мертвое тело лежало, скрытое в одной из пещер Аризоны.

Я никогда не рассказывал об этом, и ни один смертный человек не увидит эту рукопись до тех пор, пока меня не поглотит вечность. Знаю, обычный, средний человеческий ум не поверит в то, что не способен осмыслить, и мне вовсе не хочется быть осмеянным публикой, проповедниками и газетчиками и выглядеть величайшим лжецом, в то время как я всего лишь стремлюсь поведать простую правду, которую когда-нибудь подтвердит наука. Возможно, знания, полученные мною на Марсе, и сведения, которые я могу запечатлеть в этой хронике, отчасти помогут

вам понять загадку близкой к нам планеты — для меня же ее тайны открыты.

Меня зовут Джон Картер, но я более известен как капитан Джек Картер из Виргинии. В конце Гражданской войны я обнаружил, что обладаю несколькими сотнями тысяч долларов (в деньгах Конфедерации) и званием капитана кавалерийского подразделения армии, которая больше не существовала; я был слугой государства, растаявшего вместе с надеждами южан. Лишенный руководства, денег и предоставленный сам себе, я преисполнился решимости отправиться на юго-запад и попытаться поймать удачу в поисках золота.

Я потратил почти год, ведя геолого-разведочные работы вместе с другим офицером Конфедерации, капитаном Джеймсом К. Пауэллом из Ричмонда. Нам очень повезло, потому что в конце зимы 1865 года, после множества трудностей и лишений, мы наткнулись на такую богатую золотоносную жилу, какую только могли вообразить в своих мечтах. Пауэлл, имевший образование горного инженера, заявил, что здесь за каких-нибудь три месяца ничего не стоит добыть металла на миллион долларов.

Поскольку оборудование у нас было чрезвычайно примитивным, мы решили, что один из нас должен вернуться к цивилизации, приобрести все необходимые машины и нанять солидное количество людей, чтобы начать разработку этой кварцевой жилы.

Пауэлл хорошо изучил эти места, был знаком с горным делом и знал, какие механизмы нам потребуются, поэтому мы пришли к выводу, что будет лучше, если именно он отправится в эту поездку. А я должен был охранять нашу заявку на тот случай, если вдруг на жилу наткнется какой-нибудь бродячий золотоискатель.

Третьего марта 1866 года мы погрузили необходимые припасы на двух осликов, и Пауэлл, попрощавшись со мной, вскочил на лошадь и начал спускаться по горному склону — первая часть его пути пролегла через долину.

То утро, как почти всегда в Аризоне, было ясным и замечательным; я наблюдал, как всадник и выюнные животные осторожно пробираются вниз по откосам, и время от времени замечал

их, когда они поднимались на какой-нибудь холмик или пересекали ровное место. Последний раз я видел Пауэлла около трех часов дня, когда он приблизился к тени, что отбрасывал хребет по другую сторону узкой долины.

Примерно полчаса спустя я случайно посмотрел туда и был весьма удивлен, заметив три маленькие точки примерно в том же месте, где в последний раз мне попались на глаза мой друг и два его осла. Я вовсе не склонен к бессмысленной тревоге, но чем больше я старался убедить себя, что с Пауэллом все в порядке и точки на самом деле являются антилопами или мустангами, тем меньше мне верилось в это.

С тех пор как мы пришли в это место, нам ни разу не встречались враждебные индейцы, и потому беспечность наша не знала границ. Мы считали глупостью истории о многочисленных жестоких мародерах, что устраивают засады на дорогах, убивают и грабят белых путников, имеющих несчастье попасться к ним в лапы.

Пауэлл, насколько я знал, был отлично вооружен, более того, он мог похвастать опытом в сражениях с краснокожими. Однако я сам много лет воевал с индейцами-сиу на Севере, поэтому у меня были основания предполагать, что столкновение с бандой коварных апачей не оставит моему другу шансов. Наконец я не мог дольше выносить подозрений и, вооружившись двумя кольтами и карабином, надел на себя два полных патронташа и оседлал лошадь, чтобы ехать по утренним следам Пауэлла.

Добравшись до сравнительно ровного участка, я пустил своего коня легким галопом и скакал так все время, пока позволяла тропа. Ближе к сумеркам я очутился у места, где несколько тропинок пересекались с путем Пауэлла, и нашел отпечатки копыт трех неподкованных пони, причем они неслись во весь опор.

Я поспешил по их следу, пока не вынужден был остановиться из-за темноты, подождал, когда поднимется луна, и тут только принялся размышлять о разумности такой погони. Возможно, я просто навдумывал каких-то бессмысленных опасностей, словно нервная старая домохозяйка. Вот догоню Пауэлла, и мы вдоволь посмеемся над моими страхами. Однако я не был склонен

к сентиментальности, и чувство долга, куда бы оно ни завело, всю мою жизнь являлось для меня чем-то вроде фетиша; и это сделало мне честь в трех республиках, которым я служил, и стало причиной награды, полученной от некоего старого и могущественного императора и нескольких менее сильных королей, на чьей службе мой клинок много раз обогрался кровью.

Около девяти вечера луна наконец осветила тропу достаточно ярко, чтобы можно было продолжить путь. Я не встретил каких-либо трудностей, двигаясь дальше, временами даже пускал лошадь быстрой рысью и около полуночи добрался до небольшого озерца, возле которого Пауэлл, предположительно, должен был остановиться на отдых. Я выскочил на открытое место внезапно и увидел: там совершенно пусто — ни малейших признаков того, что кто-то устраивал стоянку.

Я с интересом отметил, что гнавшиеся за Пауэллом (в чем я теперь не сомневался) всадники лишь ненадолго задержались у озерца; они постоянно двигались с той же скоростью, что и мой друг.

Теперь я был уверен, что эти люди — апачи, желающие захватить Пауэлла живым, просто для того, чтобы получить дьявольское наслаждение, мучая его. Поэтому я поскакал вперед с опасной скоростью, вопреки всему надеясь, что сумею нагнать краснокожих негодяев, прежде чем они нападут на Пауэлла.

Мои размышления внезапно прервало слабое эхо двух выстрелов далеко впереди. Я понимал, что сейчас Пауэлл нуждается во мне, как никогда, и сразу же подстегнул лошадь, погнав ее по узкой и опасной горной тропе.

Я несся вперед, наверное, с милую, не слыша больше никаких звуков, и тут вдруг дорога вышла на небольшое открытое плато возле самой высокой точки перевала. Перед этим я проскочил через узкое ущелье и теперь, очутившись на плоском участке земли, увидел нечто, наполнившее меня ужасом и отвращением.

Ровную площадку сплошь усеяли белые индейские вигвамы, чуть ли не полтысячи краснокожих воинов собрались в центре лагеря. Их внимание было так поглощено неким предметом, что они не заметили меня, и я легко мог бы вернуться в темное

ущелье и сбежать без особого риска. Однако тот факт, что эта мысль пришла ко мне лишь на следующий день, еще не дает мне права претендовать на звание героя, каковым меня могли бы награждать после рассказа об этом эпизоде.

Я не верю, что создан из того же материала, что и герои, поскольку из всех тех сотен случаев, когда мои импульсивные действия сталкивали меня лицом к лицу со смертью, я не могу припомнить ни одного примера, когда бы альтернативное решение приходило мне в голову раньше чем через несколько часов. Мой ум явно устроен так, что я неосознанно выбираю путь долга, не предаваясь утомительным мыслительным процессам. Но как бы то ни было, я никогда не сожалел о том, что мне не свойственна трусость.

Конечно, в то мгновение я пребывал в совершенной уверенности, что центром внимания индейцев является Пауэлл, однако не знаю, опередила ли эта мысль мои действия или наоборот — стоило мне увидеть эту сцену, как я выхватил свои револьверы и ринулся на целую армию воинов, бешено стреляя и крича во всю силу легких. Будучи один, я не мог бы выбрать лучшую тактику, потому что краснокожие, от неожиданности решившие, что на них напал полк регулярной армии, развернулись и бросились бежать во все стороны, хватая луки, стрелы и винтовки.

Картина, которая открылась мне в результате их поспешного бегства, наполнила меня мрачной тревогой и яростью. Под яркими лучами аризонской луны лежал Пауэлл, и его тело буквально оцетинилось вражескими индейскими стрелами. В том, что он погиб, сомневаться не приходилось, и все же я должен был спасти от рук апачей тело друга без промедления, как если бы вырывал его из объятий смерти.

Подскакав вплотную к нему, я наклонился в седле и, схватив мертвого Пауэлла за патронташ, быстро бросил его на холку своей лошади. Взгляд назад убедил меня, что отправляться по той тропе, по которой я добрался сюда, было бы куда более рискованно, чем двинуться вперед через небольшое плато, и потому, дав шпоры моей бедной лошадке, я помчался через открытую

местность к перевалу, который отчетливо виднелся в дальнем конце поляны.

К этому времени индейцы поняли, что я один, и с проклятиями пустились за мной в погоню, вслед мне полетели стрелы и пули из винтовок. Но при лунном свете в цель могут попасть разве что проклятия, к тому же дикари были слишком разозлены моей внезапной выходкой и тем, что противник оказался довольно шустрой мишенью. Все это спасло меня от разнообразных вражеских снарядов и позволило укрыться в тени, окружавшей вершины, прежде чем апачи сумели организовать грамотное преследование.

Я отпустил поводья, потому что знал: лошадь отыщет верный путь скорее меня. Но вышло иначе, вскоре она вынесла меня в теснину, тянувшуюся к верхней части хребта, а я-то надеялся, что выберусь в долину и окажусь в безопасности. Похоже, именно своей лошади я обязан жизнью и теми необычными испытаниями и приключениями, что выпали на мою долю в последующие десять лет.

Когда пронзительные крики гнавшихся за мной дикарей затихли где-то слева, мне стало ясно, что я еду по другой дороге.

Я сообразил, что они обогнули каменистые зубцы на краю плато с левой стороны, а моя лошадь увезла меня и тело Пауэлла вправо.

Заставив коня подойти к ровному выступу, с которого просматривалась тропа внизу и слева, я увидел банду дикарей, исчезающую за соседней вершиной.

Было ясно, что индейцы вскоре обнаружат свою ошибку и поиски возобновятся уже в правильном направлении, как только они отыщут мой след.

Я проехал немного дальше и тут увидел отличную тропу, огибавшую высокий утес. Она была ровной и довольно широкой, причем вела именно туда, куда я намеревался ехать. Скала поднималась справа от меня на несколько сотен футов, а слева примерно такой же высоты отвесная стена обрывалась в каменистое ущелье.

Через какую-нибудь сотню ярдов пришлось резко повернуть вправо, и я оказался у входа в большую пещеру — наверное,

фута четыре в высоту и от трех до четырех футов в ширину. Здесь тропа заканчивалась.

Уже наступило утро, и, как обычно в Аризоне, без всяких признаков рассвета внезапно вспыхнул солнечный свет.

Спешившись, я положил тело Пауэлла на землю. Самый тщательный осмотр не обнаружил в нем даже слабых признаков жизни. Почти целый час я хлопотал над ним, вливая воду из своей фляги в его мертвые губы, омывая ему лицо и растирая руки, хотя прекрасно понимал, что он мертв.

Я очень любил Пауэлла; он был во всех отношениях настоящим мужчиной — прекрасно воспитанный джентльмен, южанин, верный, стойкий, истинный друг. Наконец я с чувством глубочайшего горя бросил примитивные попытки оживить его.

Оставив тело Пауэлла там, где оно лежало, я забрался в пещеру для разведки. Она оказалась очень просторной, должно быть, не меньше сотни футов в диаметре и футов тридцать-сорок высотой; ровный, сильно истертый пол и многие другие свидетельства говорили о том, что некогда, в давние времена, эта пещера была обитаемой. Дальняя ее часть терялась в густой тьме, так что я не мог различить, есть ли из нее другие выходы или нет.

Продолжая исследование, я начал ощущать, как меня охватывает приятная сонливость, и решил, что это, конечно, результат усталости от долгого и трудного пути и реакция на возбуждение схватки и погони. Я чувствовал себя в относительной безопасности, потому что знал: один человек может защитить узкую тропу от целой армии.

Вскоре дремота совсем одолела меня, и я чуть не поддался сильному желанию упасть на пол пещеры и несколько минут отдохнуть, но я понимал, что делать этого нельзя: сон означал бы неминуемую смерть от рук моих краснокожих приятелей, которые могли найти меня в любой момент. С огромным усилием я направился к выходу из пещеры, но пошатнулся, прислонился к боковой стене — и бессильно сполз на пол.

II

БЕГСТВО ОТ МЕРТВЕЦА

Чувство сладкой сонливости охватило меня, мои мышцы расслабились, и я уже готов был отдаться во власть Морфея, когда до моих ушей долетел стук копыт приближающихся лошадей. Я попытался вскочить на ноги, но с ужасом обнаружил, что тело отказывается подчиняться моей воле. Я полностью проснулся, но был так же не способен шевельнуться, как если бы обратился в камень. И лишь тогда, в первый раз, я заметил, что пещеру наполняет едва заметный, чрезвычайно легкий туман. Различить его можно было только на фоне выхода, сквозь который проникал дневной свет. Мои ноздри ощутили слабый острый запах — оставалось предположить, что я попал под действие какого-то ядовитого газа, но почему при полной ясности мысли мои конечности не слушались, объяснить было невозможно.

Я лежал лицом к выходу и видел короткий отрезок тропы между пещерой и краем утеса. Стук лошадиных копыт затих, и я рассудил, что индейцы, видимо, осторожно пробираются вдоль обрыва по узкому выступу, направляясь к моей обитаемой могиле. Я помню, как надеялся тогда, что они расправятся со мной быстро, поскольку мне вовсе не доставляла удовольствия мысль о бесконечных пытках, которым апачи могли меня подвергнуть, если бы им того захотелось.

Мне пришлось ждать не слишком долго. Тихий шорох предупредил меня о близости врагов, а потом из-за края скалы осторожно высунулось раскрашенное лицо, над которым колыхались перья боевого головного убора, — и глаза дикаря заглянули в мои глаза. В том, что он мог меня видеть в тусклом свете внутри пещеры, я был уверен — лучи утреннего солнца падали в отверстие входа.

Но индеец, вместо того чтобы двинуться ко мне, просто стоял и смотрел; его глаза выпучились, челюсть отвисла. Потом появилось еще одно раскрашенное лицо, и третье, и четвертое, и пятое, дикари вытягивали шею и заглядывали друг другу через плечо. И на каждом лице были написаны страх и благоговение, но почему — я понятия не имел и узнал это лишь десять лет спустя. Я понимал, что за спиной тех, кто рассматривал меня, толпились другие индейцы, — это следовало из того, что первые оборачивались и что-то шептали стоящим сзади.

Внезапно из глубины пещеры позади меня раздался негромкий, но отчетливый стонущий звук, и, как только он достиг ушей индейцев, они развернулись и убежали в ужасе, подгоняемые паникой. Они стремились оказаться как можно дальше от того невидимого, что таилось в темноте, и в этой спешке один из воинов сорвался с тропы и полетел с утеса на камни вниз головой. Яростные крики краснокожих еще некоторое время разносились над каньоном, а потом все снова стихло.

Звук, напугавший дикарей, не повторялся, но этого было достаточно для того, чтобы я принялся раздумывать о возможных ужасах, скрытых в тени за моей спиной. Страх — понятие относительное, так что сейчас я могу оценить свои чувства в тот момент лишь в сравнении с прошлым и будущим опытом, ведь я оказывался в опасности и до, и после этого случая. Признаюсь без стыда: если то, что я испытал в несколько последующих минут, было страхом, то пусть Бог поможет трусам, потому что трусость, без всякого сомнения, сама по себе является наказанием.

Парализованный, лежа спиной к чему-то ужасному, к некоей неведомой угрозе, один звук которой заставил свирепых апачей развернуться и броситься бежать, словно стадо овец при виде волков, я думал, что нет и не может быть худшего положения для мужчины, который привык сражаться за свою жизнь со всей силой и энергией.

Несколько раз мне казалось, будто я слышу тихие звуки позади, словно там кто-то осторожно двигался, но и этот легкий шум исчез, и я мог размышлять о своем положении, ни на что

не отвлекаясь. Впрочем, мне оставалось лишь строить неопределенные догадки о причинах своего паралича и надеяться, что он пройдет так же внезапно, как одолел меня.

Позже, днем, моя лошадь, стоявшая без привязи перед пещерой, медленно отправилась куда-то по тропе, явно решив поискать себе пищи и воды, а я остался один с таинственным невидимым компаньоном и мертвым телом моего друга. Оно лежало так, что я мог его видеть, на том же месте, где я его положил ранним утром.

Примерно до полуночи, насколько я мог судить, вокруг было тихо, стояла полная, глубокая тишина; а потом внезапно ужасающий стон, такой же как утром, ворвался в мои уши, и снова из черной тени в глубине пещеры послышался шум чьего-то движения и тихий шорох, будто кто-то ворошил сухие листья. Потрясение для моих и без того перенапряженных нервов было чрезвычайным, и я с нечеловеческим усилием попытался разорвать чудовищные невидимые путы. Это была работа ума, воли, нервов; мускулы тут не участвовали, потому что я не мог шевельнуть даже мизинцем, тем не менее в бой были брошены все внутренние резервы. И тут что-то поддалось, я испытал краткое ощущение тошноты, раздался щелчок, словно лопнула стальная проволока, — и вот я уже стою, прислонившись спиной к стене пещеры, лицом к неведомому врагу.

А потом в пещеру хлынул лунный свет, и я увидел прямо перед собой мое собственное тело — оно лежало так все эти часы, глаза смотрели на вход, а руки бессильно раскинулись на земле. Я уставился сначала на бесчувственное тело на полу пещеры, а потом на себя самого, пребывая в крайнем замешательстве: ведь на земле я лежал одетым и в то же время стоял рядом нагой, как в миг своего появления на свет.

Переход был столь внезапным, столь неожиданным, что на время я забыл обо всем, кроме моей удивительной метаморфозы. Мелькнула мысль: вот она, смерть! Неужели я действительно перешел грань между жизнью и небытием? Но в это не слишком верилось, ведь я ощущал, как сердце бьется у меня в груди после отчаянных усилий освободиться от странного наркоза, который

сковывал меня. Мое дыхание было быстрым и неглубоким, холодный пот выступал из всех пор моего тела, а древнее испытание щипком подтвердило тот факт, что я могу быть чем угодно, только не призраком.

Тут зловещий стон в глубине пещеры повторился, и я сразу вспомнил о своем удручающем положении. Будучи обнаженным и безоружным, я не имел никакого желания встречаться с невидимым существом, угрожавшим мне.

Мои револьверы находились на поясе моего же безжизненного тела, которого я, по непостижимой причине, не мог заставить себя коснуться. Карабин же лежал в чехле, пристегнутом к седлу лошади, а поскольку та куда-то ушла, я остался без средств защиты. Похоже, единственным выходом было бегство, и это решение крепло оттого, что шелестящий звук повторился, и теперь, в темноте, при возбужденном воображении, мне мерещилось, будто зловещее существо украдкой ползет в мою сторону.

Не в силах больше сопротивляться искушению бежать, я быстро выпрыгнул сквозь отверстие в скале под свет звезд тихой аризонской ночи. Свежий, прохладный горный воздух подействовал ободряюще, и я ощутил, как меня переполняют новая жизнь и новая отвага. Я остановился на краю каменного выступа и выбрал себя за то, что поддался необоснованному страху. В течение долгих часов, которые я провел в пещере в беспомощном состоянии, ничто, кажется, не повредило мне; и если хорошо подумать, применяя спокойную логику, то нетрудно будет убедиться: услышанные мной шумы наверняка имели совершенно естественные и безопасные причины; скорее всего, конфигурация самой пещеры такова, что даже легкий ветерок, ворвавшийся внутрь, мог породить напугавшие меня звуки.

Я решил в этом разобраться, но сначала вскинул голову, чтобы наполнить легкие чистым, бодрящим ночным воздухом гор. И тут моему взору открылся прекрасный вид на скалистое ущелье и раскинувшуюся далеко внизу, поросшую кактусами плоскую равнину, которую лунный свет превратил в картину, исполненную великолепия и невиданного очарования.

Мало какие из западных чудес вдохновляют более, чем освещенные лунной пейзажи Аризоны; серебристые горные вершины вдаль, странный свет и тени на склонах и в руслах ручьев, гротескные очертания сухих, но прекрасных кактусов создают зрелище, которое зачаровывает и воодушевляет; как будто перед вами предстает некий умерший забытый мир, абсолютно не похожий ни на одно место на Земле.

Погрузившись в созерцание, я перевел взгляд на небо, где мириады светил образовали гигантский плотный шатер над земными красотами. И тут же мое внимание привлекла большая красная звезда, повисшая над далеким горизонтом. Глядя на нее, я ощутил ее неотразимые чары — это была не просто звезда, на меня взирал Марс, бог войны, а для меня, солдата, он всегда обладал обаянием непреодолимой силы. Я смотрел на него в глубокой ночи, и он как будто звал меня сквозь немыслимую пустоту, манил, притягивал, как магнит притягивает к себе крупички железа.

Страстное желание охватило меня; я закрыл глаза, протянул руки к богу, олицетворяющему военное искусство, и почувствовал, как с внезапностью мысли меня влечет сквозь пустое необъятное пространство. И это было мгновение невероятного холода и беспредельной тьмы.

III

МОЕ ПРИБЫТИЕ НА МАРС

Я открыл глаза и увидел странный и таинственный ландшафт. Я знал, что очутился на Марсе. Меня не покидала твердая уверенность, что я вижу его наяву, находясь в здравом рассудке. Я не спал, мне незачем было себя щипать; мое глубинное сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Марсе, как вы осознаете себя на Земле. Вы ведь в этом не сомневаетесь; не сомневался и я.

Я обнаружил, что лежу ничком на плотном ковре из желтоватых, похожих на мох растений, расстилающихся во все стороны куда хватал глаз. Судя по всему, я оказался в глубокой круглой впадине, над краями которой виднелись вдали неровные очертания низких холмов.

Стояла середина дня, солнце всюду сияло надо мной, опалая жаром мою обнаженную кожу, но зной ощущался не сильнее, чем в то же время суток где-нибудь в пустыне Аризоны. Тут и там выступали из почвы похожие на кварц камни, блестевшие на солнце, а слева, примерно в сотне ярдов, я заметил приземистое ограждение высотой фута четыре. Ни воды, ни других растений, кроме мха, я не видел, а поскольку сильно хотелось пить, решил исследовать окрестности.

Велико же было мое удивление, когда я вскочил на ноги, — пожалуй, это был первый сюрприз, преподнесенный мне на Марсе. Дело в том, что рывок, который на Земле просто привел бы человека в вертикальное положение, здесь подбросил меня в воздух не меньше чем на три ярда. Но я мягко опустился на мох, не испытав особого потрясения. Пришлось постепенно приспосабливаться, что поначалу выглядело глупым до невозможности. Я обнаружил, что должен заново учиться ходить, ведь мышечные

усилия, позволявшие легко и спокойно передвигаться на Земле, здесь, на Марсе, играли со мной странные шутки.

Вместо того чтобы шагать в нормальной и достойной манере, я в результате своих попыток совершал разнообразные прыжки, поднимался надо мхом на пару футов и после второго или третьего скачка падал на живот или на спину. Мышцы, идеально приспособленные и привыкшие к условиям земного притяжения, не слушались меня в первые минуты пребывания на Марсе, где гравитация и атмосферное давление были куда ниже.

Однако я преисполнился решимости добраться до низкой постройки, которая была единственным видимым свидетельством чьего-то присутствия, поэтому быстро додумался до первейшего способа передвижения человека — и пополз на четвереньках. Это мне удалось отлично, и через несколько секунд я уже достиг невысокой круглой ограды.

С ближайшей ко мне стороны не видно было ни дверей, ни окон, но, поскольку стена не превышала четырех футов в высоту, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через нее... Моим глазам открылось зрелище, способное поразить самое смелое воображение.

Окруженное стеной пространство защищала крыша из стекла дюйма в три или четыре толщиной, а под ней лежали несколько сотен больших яиц, идеально круглых и снежно-белых. Яйца были почти одинаковыми по размеру, примерно два с половиной фута в диаметре.

Пять или шесть из них уже треснули, и в солнечном свете сидели, моргая, гротескные существа, заставившие меня усомниться в собственном здравомыслии. Они как будто состояли в основном из головы, хотя и имели крошечные тощие тела, длинные шеи и по шесть ног — то есть, как я узнал впоследствии, по две ноги и руки и по паре «сменных» конечностей, которые могли служить и руками, и ногами. Глаза уродцев были чрезвычайно широко расставлены чуть выше центральной линии и вращались назад или вперед, независимо один от другого, что позволяло странным созданиям смотреть в любом направлении или в двух сразу и при этом не поворачиваться.

Уши, расположенные немного выше глаз и ближе друг к другу, были маленькими, похожими на чашевидные антенны, и у этих юных представителей марсианского вида выступали не более чем на дюйм. Нос же представлял собой длинную щель посредине лица, между ртом и ушами.

Шерсть на их телах не росла, а кожа имела очень светлый желтовато-зеленый оттенок. У взрослых марсиан, как я узнал довольно скоро, она становилась оливкового цвета, причем мужские особи были темнее женских. Да и голова с возрастом приобретала более правильные пропорции по отношению к телу, чем у новорожденных.

Радужные оболочки их глаз были кроваво-красными, точно у альбиносов, а зрачки — темными. Зато белки сверкали белизной, как и зубы. И это добавляло свирепости и без того пугающей, ужасной внешности марсиан, равно как и острые клыки, загнутые вверх до того уровня, где у землянина расположены глаза. Зубы по цвету вовсе не напоминали слоновую кость, скорее белейший и самый блестящий фарфор. На фоне темноватой кожи клыки выделялись поразительным образом, придавая этому оружию особенно грозный вид.

Большую часть этих подробностей я отметил позже, у меня не было времени на то, чтобы поразмышлять о чуде моего откровения. Я видел, что яйца начинают трескаться, и, пока наблюдал за тем, как маленькие чудовища выбирают на свет, ко мне незаметно подкрались сзади два десятка взрослых марсиан.

Беззвучно шагая по мягкому мху, который покрывал практически всю поверхность Марса, за исключением замерзших областей на полюсах и возделанных земель, они могли без труда захватить меня в плен, однако их намерения были куда более зловещими. И только звякнувшее случайно вооружение предводителя предупредило меня.

Моя жизнь висела на тончайшем волоске, и я частенько изумляюсь тому, что сумел спастись с такой легкостью. Если бы ружье вождя, висевшее на ремнях сбоку седла, не задело о толстый конец здоровенного копыя с металлическим наконечником, я бы не успел заподозрить приближения гибели. Однако негромкий

звук заставил меня оглянуться, и тут я увидел меньше чем в десяти футах от моей груди острие огромного копья длиной в сорок футов с наконечником из блестящего металла, а держала его верховая копия тех маленьких дьяволов, за которыми я наблюдал.

Но какими же хилыми и безвредными казались они теперь, рядом с гигантской и пугающей инкарнацией ненависти, мести и смерти... Насколько я мог понять, передо мной высился марсианин мужского пола. Он был ростом в полных пятнадцать футов и на Земле при таких размерах весил бы добрых четыреста фунтов. Вождь сидел в седле, подобно всаднику на лошади; он сжимал брюхо животного нижними конечностями, в то время как ладони его правых рук держали низко, у бока «скакуна», чудовищное копьё; две левых руки были вытянуты в сторону, чтобы удерживать равновесие, потому что монстр, на котором он ехал, не имел ни уздечки, ни поводьев, ни каких-либо иных средств управления.

А этот зверь! Есть ли вообще земные слова, чтобы описать его! В холке он достигал около десяти футов; у него было по четыре ноги с каждого боку; широкий плоский хвост, шире на конце, чем у корня, выпрямлялся горизонтально, когда существо бежало; огромная пасть разверзлась от рыла до длинной мощной шеи...

Как и его хозяин, чудовище было полностью лишено растительности на теле, его темная синевато-серая кожа отличалась чрезвычайной гладкостью и блестела. Живот был белым, а на лапах цвет менялся от шиферно-серого на плечах и бедрах до ярко-желтого на ступнях, снабженных подушками, что также объясняло бесшумность приближения инопланетян. Надо сказать, отсутствие когтей в совокупности со множеством ног является одной из характерных черт фауны Марса. Только высшее существо, человек, и еще одно животное, единственное местное млекопитающее, имеют хорошо сформированные ногти. На планете вовсе нет копытных представителей животного мира.

За первым угрожавшим мне демоном тащились еще девятнадцать, очень похожих друг на друга, различать их по индиви-

дуальным признакам я научился уже потом. Точно так же не найти двух абсолютно одинаковых людей, хотя все мы отлиты по одной форме. В общем, эта картина или, скорее, материализовавшийся ночной кошмар, только что описанный мною во всей красе, произвел на меня ужасное впечатление, когда я повернулся.

Поскольку я был безоружен и наг, первый закон природы сработал сам собой, будучи единственным возможным решением насущной проблемы, — я ринулся в сторону от направленного на меня наконечника копья. И, как следствие, совершил вполне земной и в то же время сверхчеловеческий прыжок на крышу марсианского инкубатора (именно так я называл про себя эту конструкцию).

Мое усилие увенчалось успехом, изумившим меня самого ничуть не меньше, чем марсианских воинов, поскольку я взлетел на добрых тридцать футов в воздух и приземлился в сотне футов от преследователей, на противоположной стороне огороженного пространства.

Я легко, даже не пошатнувшись, опустился на мягкий мох и обернулся. Мои враги столпились у дальней стены. Одни таращились на меня с выражением, которое я потом научился распознавать как крайнее изумление, а другие вроде были довольны тем, что я не навредил их молодняку.

Они переговаривались тихими голосами и жестикулировали, показывая на меня. Когда они поняли, что я не сделал ничего плохого маленьким марсианам и у меня нет оружия, их ярость, должно быть, поутихла, но позже я узнал, что в первую очередь мне на пользу послужил мой невероятный прыжок.

Хотя марсиане огромны и кости у них очень крупны, их мускулы приспособлены лишь к той силе притяжения, которую они должны преодолевать. И в результате жители Красной планеты несравнимо менее проворны и сильны по отношению к весу, чем любой землянин, и у меня есть сомнение, что кто-то из них смог бы сдвинуться с места, перенесись он вдруг на Землю; то есть я просто уверен, что они не сумели бы этого сделать.

Моя ловкость выглядела столь же невероятной на Марсе, какой показалась бы на Земле, и от желания уничтожить меня мои враги внезапно перешли к восторгу. Теперь они смотрели на пришельца как на некое чудо, которое следовало немедленно поймать и показать друзьям.

Отсрочка, полученная благодаря моему неожиданному проворству, позволила мне построить планы на ближайшее будущее и хорошенько приглядеться к инопланетным воинам, ведь мысленно я все еще не мог отделить их от тех людей, что всего за день до этого преследовали меня.

Я отметил, что каждый марсианин вооружен еще кое-чем, кроме огромного копья, описанного выше. Оружие, которое заставило меня отказаться от попытки бегства, выглядело определенно как винтовка, и я почему-то не сомневался, что противники умеют отлично обращаться с ним.

Марсианские ружья были из белого металла, с деревянными прикладами, и позже я узнал, что это дерево с очень легкой древесины крайне трудно вырастить, поэтому оно высоко ценилось на Марсе, а на Земле не нашлось бы ничего подобного ему. Металл ружейных стволов представлял собой некий сплав, в основном состоявший из алюминия и стали, которую марсиане научились закалять до гораздо более прочного состояния, чем умеем мы. Вес такого оружия сравнительно невелик, и при малом калибре, силе взрывчатки и огромной длине ствола оно смертельно опасно на расстояниях, просто немыслимых на Земле. Теоретически дальность действия для этих винтовок — триста миль; правда, фактически, даже при хорошем видоискателе, они могут поразить цель не более чем на расстоянии около двухсот миль.

Но в тот момент мне было достаточно вида марсианского огнестрельного оружия, чтобы проникнуться к нему большим уважением, и, должно быть, некие телепатические силы предостерегли меня от попытки бежать при ясном свете дня под прицелом двадцати таких вот смертельных механизмов.

Марсиане, немного посоветовавшись, ускакали в том направлении, откуда прибыли, но один из них остался возле ограды. Проехав примерно двести ярдов, они развернули своих скаку-

нов к нам и оттуда принялись наблюдать за воином около инкубатора.

Это был именно тот, чье копье оказалось так близко от меня, и он явно являлся предводителем банды, потому что все остальные как будто отъехали в сторону по его приказу. Когда отряд остановился, командир спешился, положил копье и пошел вокруг инкубатора в мою сторону, такой же безоружный и обнаженный, как и я, если не считать украшений на голове, руках, ногах и груди.

Примерно в пятидесяти футах от меня он снял громадный металлический браслет и протянул его мне на открытой ладони, что-то говоря чистым звучным голосом на языке, которого я, разумеется, понять не мог. Потом марсианин замер, словно ожидая моего ответа, насторожил похожие на антенны уши и еще сильнее скосил странные глаза в мою сторону.

Поскольку молчание стало невыносимым, я решил рискнуть и вступить в диалог, ведь у нас с инопланетянином, предположительно, началось нечто вроде мирных переговоров. То, что вождь оставил оружие и отогнал подальше свой отряд, прежде чем приблизиться ко мне, на Земле означало бы вполне добрые намерения. Может, и на Марсе есть схожий ритуал?

Прижав ладони к сердцу, я низко поклонился марсианину и объяснил, что, хотя чужая речь мне непонятна, его действия говорят о мире и дружбе и в настоящий момент это для меня самое дорогое. Конечно, в его глазах я мог выглядеть бессмысленно мычащим существом, но он понял жест, сделанный мной сразу после краткого приветствия.

Протянув к марсианину руки, я подошел, взял с его раскрытой ладони браслет и застегнул над своим локтем; улыбаясь, я замер в ожидании. Его широкий рот расплылся в ответной улыбке, и, соединив одну из своих промежуточных рук с моей, инопланетянин повлек меня к скауну. В то же время вождь взмахом велел своим подчиненным приблизиться. Они рванулись к нам стремительно, но тут же сбавили ход по его сигналу. Главный марсианин явно побоялся, что я могу снова очень испугаться и упрыгать слишком далеко.

Обменявшись несколькими словами со своими людьми, он знаком показал мне, что я могу сесть позади одного из них, а потом вскочил на свое чудовище. А тот, с которым должен был ехать я, протянул ко мне две или три конечности и поднял меня на блестящую спину своего скакуна. Мне пришлось крепко ухватиться за ремни и пряжки, удерживающие оружие и украшения всадника.

Вся кавалькада развернулась и помчалась прочь, в сторону далекой гряды холмов.

IV ПЛЕННИК

Отряд проскакал, наверное, уже с десятков миль, когда начался крутой подъем. Мы приближались, как я узнал позже, к берегу давно пересохшего моря, на дне которого и произошла моя встреча с Марсом.

Вскоре мы добрались до подножия холмов и, после того как проехали по узкому ущелью, очутились на открытой равнине. Вдали я увидел плоскую возвышенность, где стоял огромный город. К нему мы и помчались по подобию разрушенной дороги. У края плоскогорья она резко обрывалась и переходила в широкие ступени.

Скакуны одолели их, и при ближайшем рассмотрении я понял, что здания пусты. Хотя с виду они не казались совсем разрушенными, все равно было похоже, что здесь никто не жил долгие годы, а может быть, и века. Ближе к центру города располагалась большая площадь, на ней и в округе устроили лагерь примерно девять или десять сотен существ того же вида, что и мои захватчики, — именно так я теперь думал о них, несмотря на учтивую форму моего пленения.

Если не считать украшений, все эти существа были совершенно нагими. Женщины мало чем отличались от мужчин, разве что клыки у них выглядели намного крупнее по отношению к росту и у некоторых загибались почти до ушей, высоко сидящих на голове. «Дамы» были помельче, посветлее мастью, а на пальцах рук и ног у них виднелись рудиментарные ногти, полностью отсутствовавшие у мужских особей. Взрослые женщины достигали в росте десяти-двенадцати футов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИНЦЕССА МАРСА

Предисловие. К читателям этой книги	9
I. На холмах Аризоны.	13
II. Бегство от мертвеца	21
III. Мое прибытие на Марс	26
IV. Пленник.	35
V. Я сбегая от сторожа	42
VI. Схватка, подарившая мне друзей	47
VII. Воспитание детей на Марсе	52
VIII. Пленница, свалившаяся с неба	58
IX. Я учу язык.	65
X. Победитель и вождь	70
XI. Дея Торис	81
XII. Могучий пленник	89
XIII. Любовь на Марсе	95
XIV. Смертельная дуэль	102
XV. Сола рассказывает свою историю	111
XVI. Мы замыслиаем побег	120
XVII. Снова плен.	130
XVIII. Заточение в Вархуне	138
XIX. Сражение на арене	143
XX. На атмосферной фабрике.	149
XXI. Воздушная разведка	159
XXII. Я нахожу Дею	170

XXIII. Затерянный в небе	180
XXIV. Тарс Таркас находит друга.	186
XXV. Разграбление Зоданги.	195
XXVI. Сквозь кровавую бойню — к счастью	202
XXVII. От радости к смерти	210
XXVIII. В аризонской пещере.	216

БОГИ МАРСА

Предисловие.	221
I. Травяные люди	225
II. Лесная битва	236
III. Зал Тайны	249
IV. Тувия	262
V. Путь риска	275
VI. Черные пираты Барсума.	285
VII. Прекрасная богиня	295
VIII. Глубины Омина	305
IX. Иссу, богиня Вечной жизни.	319
X. Тюремный остров Шадор	329
XI. Когда ад вырывается на свободу.	339
XII. Обреченные на смерть	352
XIII. Прорыв к свободе	359
XIV. Глаза тьмы.	372
XV. Бегство и преследование	385
XVI. Под арестом	394
XVII. Смертный приговор.	404
XVIII. История Сола	413
XIX. Глубокое отчаяние	420
XX. Воздушная битва	433
XXI. Сквозь воду и пламя	444
XXII. Победа и поражение	452

ВЛАДЫКА МАРСА

I. На реке Исс.	465
II. Под горами	477
III. Храм Солнца	488
IV. Тайная башня	498
V. Дорога на Каол.	509
VI. Герой в Каоле	523
VII. Новые союзники	533
VIII. Сквозь Гнилые пещеры	544
IX. Среди желтых людей.	556
X. В заточении	566
XI. Яма Изобилия	576
XII. «Следуй за веревкой»	587
XIII. Выключатель магнита	597
XIV. В пылу битвы	609
XV. Вознаграждение	617
XVI. Новый правитель	626

Берроуз Э. Р.

- Б 51 Принцесса Марса. Боги Марса. Владыка Марса : романы / Эдгар Райс Берроуз ; пер. с англ. Т. Голубевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 640 с. — (Мир фантастики).

ISBN 978-5-389-10675-8

Межпланетные опасности и невероятные приключения на красной планете ждут вас на страницах знаменитой трилогии научно-фантастических романов Эдгара Райса Берроуза!

Берроуз недаром считается основоположником современной научной фантастики. Его романы о Джоне Картере, увидевшие свет в 1920-е годы, мгновенно завоевали огромную популярность и проложили дорогу новому жанру — жанру приключенческой фантастики.

Джон Картер, кавалерийский офицер из Виргинии, магическим образом переносится на Марс, где идет постоянная борьба между различными расами, обитающими на красной планете. Благодаря своему мужеству, решительности и находчивости Картер умудряется не только выжить, но и занять высокое положение в марсианском обществе, раздираемом интригами. Главной его наградой становится любовь прекрасной Деи Торис, принцессы Гелиума, которую он освобождает из рабства. Его многочисленные подвиги в сражениях с воинственными племенами, воздушными пиратами и прочими силами марсианского зла сделали Джона Картера самым популярным долгожителем фантастической литературы.

В данной книге романы Берроуза издаются в новом, более полном и точном переводе, с великолепными иллюстрациями Томаса Йейтса!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ
ПРИНЦЕССА МАРСА
БОГИ МАРСА
ВЛАДЫКА МАРСА

Редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.11.2017. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-MFF-18705-03-R